

И. В. Баженовъ.

VI. 8.

55

**КОСТРОМСКОЙ
КРЕМЛЬ.**

*9/6/1
Б-10к*

Историко-археологическій очеркъ
съ приложеніемъ плана кремля 1755 г.

Изданіе Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

*Александръ
Б.*

КОСТРОМА

Печатня при типографіи

1881.

СОБОРНЫЙ АНСАМБЛЬ Соборный ансамбль был взорван в 1934 году.
Слева от ансамбля можно видеть Царскую беседку и строящийся памятник в честь 300-летия Дома Романовых.

Кострома — Kostroma
Бесѣдка надъ Волгой

1933

85
04

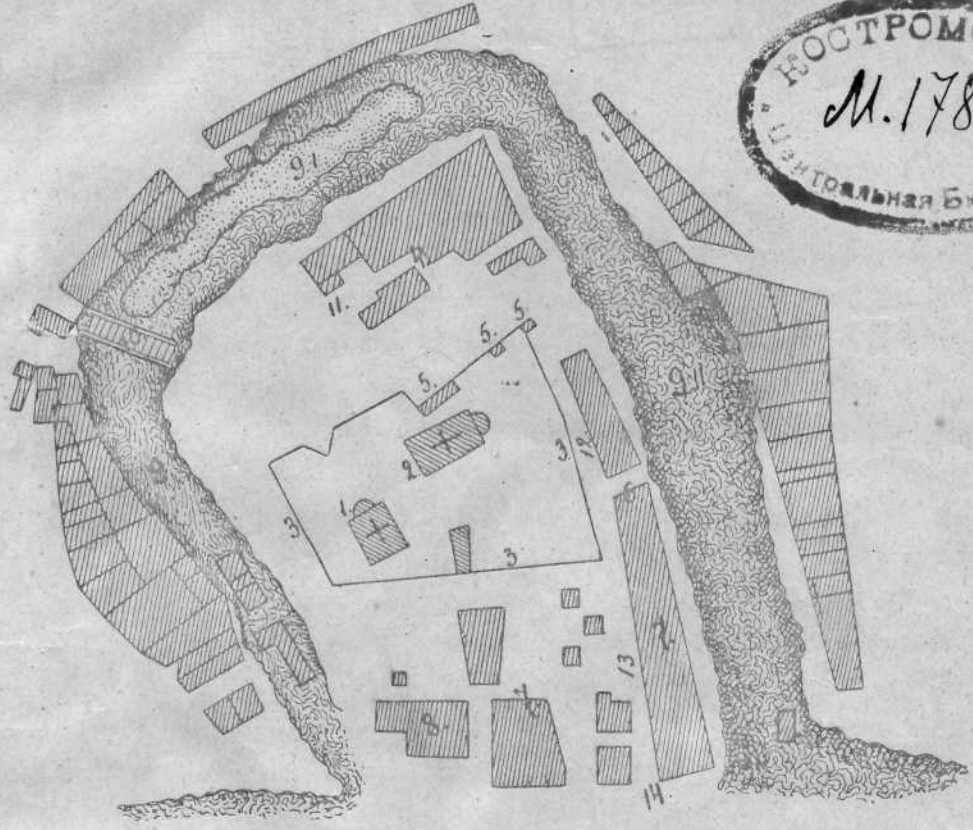
ПЕЧАТЪ
ИМПЕРАТОРСКОГО
КОСТРОМСКОГО ДУХОВНОГО
СЕМИНАРИИ.

VII. 8. 2
55
9(0)1
~~5162~~

П Л А Н Ъ

Костромского кремля отъ 1755 г., дополненный въ 1773 г.

КОСТРОМСКИЙ
ИМПЕРАТОРСКИЙ
ДУХОВНЫЙ СЕМИНАРИЙ
М. 1781. 2
Императорская Библиотека

Описание. 1. Успенский соборъ. 2. Богоявленский соборъ (проектированный). 3. Соборная ограда. 4. Воеводский дворъ съ разными казенными зданіями. 5. Четыре обывательскіе дома въ оградѣ. 6. 7. 8. Обывательскіе дома внѣ оградѣ. (7. Нынѣ соборный огорождъ. 8. Теперь зданія неприкосновеннаго склада). 9. 9_и 9_н Земляные валы. (9. Нынѣ дорога къ рѣкѣ Волгѣ около откоса. 9_н Нынѣ городской садъ. 9_и Нынѣ малый бульваръ). 10. Спасский мостъ и ворота, отъ нихъ улица (11). 12. Переулокъ на Большую улицу (13) къ Волянымъ воротамъ (14).

Извлеченіе изъ генеральнаго плана на г. Кострому и описаніе—составлено членомъ Костромской ученой архивной комиссіи архитекторомъ Н. И. Горлицынымъ.

КОСТРОМСКОЙ КРЕМЛЬ.

Первоначальное основаніе и, затѣмъ, развитіе древнѣйшихъ городовъ сѣверной Руси, въ связи съ колонизаціей племенъ, представляютъ несомнѣнно интересные пункты въ исторіи первобытной русской жизни, хотя, влѣдствіе значительной отдаленности событій отъ настоящаго времени и особенно за недостаткомъ относящихся къ нимъ документальныхъ данныхъ, эта исторія является преимущественно въ тускломъ свѣтѣ. Въ длинномъ ряду древнерусскихъ городовъ Кострома не менѣе другихъ возбуждаетъ къ себѣ интересъ перипетіями своего основанія и послѣдующаго устроенія впредь до окончательнаго своего сформированія и распланировки. Изъ минувшихъ судебъ г. Костромы наше вниманіе нынѣ остановилось на исторіи лишь кремля Костромскаго, извѣстнаго въ XVII—XVIII вѣкахъ подъ названіемъ „старый городъ“. Къ сожалѣнію, первоначало кремля, какъ и самаго города Костромы, скрывается во мракѣ отдаленнѣйшихъ временъ и является почти недоступнымъ для опредѣленія точнаго и обстоятельнаго изслѣдованія. Вѣрнѣйшее средство для ознакомленія съ Костромскимъ кремлемъ представляютъ въ большинствѣ уцѣлѣвшія писцовыя, переписныя и тому подобныя книги XVI и XVII вѣковъ; однако изъ этой богатой въ себѣ сокровищницы можно почерпнуть свѣдѣнія относительно кремля безъ опредѣленныхъ указаній на предшествующую исторію его. Впрочемъ судьбы Костромскаго кремля и за періодъ писцовыхъ тетрадей, равно и въ послѣдующія ближайшія къ нимъ времена, довольно таки затруднительно прослѣдить послѣдовательно, хронологически, именно влѣдствіе того, что нещаднымъ пламенемъ были неоднократно истреблены потребные письменные документы. Нельзя здѣсь не сказать, что отъ дѣйствія всепоглощающей огненной стихіи въ отношеніи самыхъ зданій кремля, обыкновенно деревянныхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ храмовъ каменныхъ, неизбѣжно появлялись

въ немъ измѣненія въ разныя времена. Особенно же вслѣдствіе постепеннаго устроенія г. Костромы по Высочайше утвержденному 6 марта 1781 г. новому плану, самое лицо кремля, какъ и всего вообще города Костромы, естественно видоизмѣнилось, и даже до совершенной неузнаваемости, преимущественно съ начала XIX столѣтія, когда городъ принялъ и донинѣ почти неизмѣнный свой типъ. При такихъ метаморфозахъ возникаетъ очевидно немалое препятствіе къ обстоятельному и точному не только хронологическому, но и топографическому изслѣдованію и представленію кремля г. Костромы. Отсюда же, при всемъ желаніи автора въ деталяхъ воспроизвести дорогую родную старину, зоркимъ окомъ проникнуть сквозь густую вуаль вѣковъ и событій въ глубь минувшихъ судебъ и особенно же въ начальномъ періодѣ освѣтить ихъ, подлежащій трудъ не можетъ претендовать на изображеніе полной исторіи Костромского кремля. Авторъ дѣлаетъ попытку представить лишь общій историко-археологическій очеркъ кремля, а такой не можетъ оказаться безъ пробѣловъ.

I.

Основаніе Костромского кремля и извѣстія о немъ до XVII вѣка.

Какъ в древности строились города

Исторія древней Руси показываетъ намъ, что города ея въ началѣ устроались по большей части въ лѣсной или болотной труппѣ, преимущественно же на высокомъ береговомъ крутоярѣ или посреди непроходимыхъ овраговъ. Въ такихъ мѣстахъ, какъ наиболѣе недоступныхъ и скрытныхъ, поселенцамъ надежнѣе всего было какъ укрыться отъ враговъ, сохраняя свою жизнь и имущество, такъ и обороняться въ случаѣ нападенія. Постройка городка на извѣстномъ избранномъ мѣстѣ была обыкновенно общимъ дѣломъ насельниковъ, производилась всѣми ихъ силами и средствами: „одни сыпали валъ, копали ровъ, другіе валили лѣсъ, рубили стѣны или ставили тынъ, строили избы и клѣти, укрѣпляли ворота башнею или *везею*, съ которой необходимо было слѣдить за врагомъ и отбивать его приступъ“¹⁾. Такія мѣста,

¹⁾ Исторія русской жизни, соч. Забѣлина, Москва, 1876 г. ч. I стр. 549.

укрѣпленныя главнымъ образомъ на случай общей опасности отъ враговъ для помѣщенія въ немъ женъ и дѣтей, стараго и малаго, равно для сохраненія всякаго имущества, назывались у ятвяговъ и мордвы твердыми, у чуди—осѣками, въ нашихъ же лѣтописяхъ извѣстны подъ именемъ кремля ¹⁾. Въ русскихъ лѣтописяхъ слово „кремль“ въ первый разъ упоминается подъ 1331 годомъ ²⁾ въ видѣ названія „кремникъ“ и затѣмъ подъ различными годами оно встрѣчается въ приложеніи къ древнерусскимъ городамъ. Изъ послѣднихъ однакоже въ немногихъ лишь сохранились донинѣ кремли и, конечно, уже не въ первоначальномъ видѣ. Остатки кремля находятся во многихъ древнихъ русскихъ городахъ, главнымъ образомъ, въ Москвѣ, Псковѣ, Новгородѣ и Смоленскѣ. Между прочимъ, въ г. Костромѣ также былъ кремль издревле, но нынѣ здѣсь не только не имѣется кремля въ древнемъ типичномъ его устройствѣ, но исчезли почти все признаки и слѣды его существованія. Несомнѣнно, что происхождение Костромского кремля находилось въ тѣсной связи съ первоначальнымъ основаніемъ самаго города; отсюда же представляется необходимымъ предварительно вступить въ изслѣдованіе сопряженного вопроса о времени и мѣстѣ обоснованія г. Костромы.

Основание Костромы
 У ³⁾ Существованіе г. Костромы слѣдуетъ относить безспорно къ глубокой древности; только въ лѣтописяхъ сравнительно поздно упоминается о немъ. Одни историки полагаютъ, что онъ построенъ меря-

¹⁾ Слово «кремль» обозначаетъ городскую цитадель или внутреннюю крѣпость, заключающуюся въ разныхъ укрѣпленіяхъ, и имѣетъ одинаковое значеніе съ греческимъ акрополисомъ и съ русскимъ вышгородомъ. Оно есть старинное русское слово; однакоже о происхожденіи его существуютъ разномнѣнія. П. Строевъ и Я. Гротъ производили «кремль» отъ Крома—Псковской цитадели или отъ Кромны въ смыслѣ укромный, скрытый; Н. Карамзинъ производилъ это названіе отъ слова «кремень», которое указываетъ на прочный скалистый грунтъ; А. Кубаревъ, поддерживаемый М. Погодинымъ, полагалъ, что слово «кремль» происходитъ отъ греческаго κρημνόςъ крутой, и привилось случайно въ Москвѣ, при великомъ князѣ І. Калитѣ—въ значеніи «коренное» мѣсто города, которое заботливо оберегается и въ которомъ находятъ себѣ безопасное убѣжище царскій дворъ, находятся казенныя зданія, соборныя храмы и дома знатныхъ обывателей.

²⁾ Изъ болѣе ранняго времени встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ Новгородскихъ и Псковскихъ такія названія, которыя равнозначущи съ словомъ «кремль», напр. въ 1302 г. заложена была въ Новгородѣ каменная крѣпость...; въ Псковѣ въ 1309 г. заложена стѣна плитяная отъ Петропавловской церкви къ Великой рѣкѣ. Обыкновенно же кремли были деревянные; такъ въ Никоновой лѣтописи подъ 1368 г. имѣется извѣстіе, что въ Твери срубили деревянную крѣпость и глиною помазали; потомъ князь Михайлъ Александровичъ велѣлъ около крѣпостного вала выкопать ровъ и валъ засыпать отъ Волги до Тьмаки. Въ Москвѣ великій князь Іоаннъ Д. Калита (до котораго кремль назывался еще Дѣтинцемъ) въ 1339 г. устроилъ «градъ дубовый»; здѣсь же, по истребленіи его огнемъ, появилась каменная крѣпость въ княженіе Дмитрія І. Донского, и его кремль былъ единственною во всемъ Московскомъ княжествѣ каменною крѣпостью при томъ съ желѣзными воротами.

нами финскаго племени въ пору начавшагося слиянія этого племени съ славянскимъ (во второй половинѣ IX вѣка); по другому же мнѣнію (Соловьевъ), онъ появился позднѣе, „въ эпоху стремленія сѣверныхъ князей распространять славянскую колонизацію внизъ по Волгѣ“ (особенно при Юріи Долгорукомъ + 1157 г.), и имѣлъ населеніе смѣшанное изъ мерянь и славянъ. Татищевъ ¹⁾ первый изъ историковъ отнесилъ основаніе г. Костромы къ 1152 г., одновременно съ Переяславлемъ Залѣскимъ, но при этомъ онъ признался, что свое мнѣніе основалъ лишь на своей догадкѣ. Происхожденіе г. Костромы восходитъ несомнѣнно къ болѣе раннему времени, чѣмъ 1152 годъ, Переяславль же Залѣскій упоминается въ лѣтописяхъ еще подъ 1141 (6649) годомъ ²⁾. По мнѣнію князя Козловскаго, ³⁾ г. Кострому построилъ будто бы Юрій Долгорукій князь Суздальскій, который, какъ извѣстно изъ лѣтописей, былъ самымъ дѣятельнымъ колонизаторомъ Ростовско-Суздальской земли и строителемъ многихъ городовъ въ своей области. Но отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ непременно, что онъ же основалъ и г. Кострому, тѣмъ болѣе, что въ сказаніяхъ лѣтописцевъ въ ряду городовъ, построенныхъ Юріемъ, не упоминается гор. Кострома; приписывается же этому князю построеніе лишь слѣдующихъ городовъ: Дмитрова, Боголюбова, Юрьева-Польскаго, Кснятина (при впаденіи р. Нерли въ Волгу), Москвы и Переяславля (Залѣскаго, съ перенесеніемъ его отъ озера Клещина). Опредѣленно въ первый разъ о г. Костромѣ упоминается въ списокѣ Воскресенской и Тверской лѣтописей подъ 1213 годомъ въ повѣствованіи о томъ, что въ усобицу между сыновьями великаго князя Всеволода III (по прозванію „Большое Гнѣздо“) Константиномъ Ростовскимъ и Юріемъ Владиміро-Суздальскимъ изъ-за великокняжескаго Владимірскаго стола (отданнаго ихъ отцомъ второму сыну Юрію) городъ этотъ былъ сожженъ Константиномъ, какъ принадлежавшій къ волости его брата Юрія, и жители Костромы отведены въ плѣнъ въ гор. Ростовъ. На основаніи этого лѣтописнаго показанія, при отсутствіи рѣшительныхъ мнѣній нашихъ историковъ (Карамзина, Соловьева, Иловайскаго и др.) о времени возникновенія г. Костромы, можно утверждать лишь то,

¹⁾ Исторія Россіи, III, 76, 482.

²⁾ Архангелород. лѣтоп. напечат. 1781 г. 50 стр.

³⁾ «Взглядъ на исторію г. Костромы», 1840 г.

что если этот городъ въ Ростовско-Суздальской землѣ существовалъ уже въ началѣ XIII вѣка, то основаніе его слѣдуетъ относить, по крайней мѣрѣ, къ концу XII вѣка.]

[1] Первоначальнымъ мѣстомъ г. Костромы считаютъ нынѣшнее селеніе Городище, которое расположено на правомъ берегу р. Волги противъ центра города (точнѣе, противъ соборныхъ храмовъ и домовъ), притомъ на возвышенномъ холмѣ, господствующемъ надъ окрестностью.]⁸¹¹ Означенное мнѣніе имѣетъ за себя достаточныя данныя. Въ изслѣдованіи графа Уварова „О бытѣ мерянъ по курганнымъ раскопкамъ“ (Москва, 1872 г.) читаема, между прочимъ, слѣдующее о происхожденіи и значеніи Городищъ. „Городища находятся большею частью возлѣ селеній или урочищъ, доселѣ сохранившихъ названія: „Городище“, „Городокъ“ и т. п. Потомъ самое названіе Городище перешло въ наименованіе селеній и сохранило память о прежней насыпи. Мы полагаемъ, что Городища, занимая центральное положеніе и, вѣроятно, самое лучшее, возвышенное, мѣсто по срединѣ мерянскихъ поселеній, служили укрѣпленными мѣстами для самыхъ жилищъ обитателей. Прямая уже связь нѣкоторыхъ Городищъ съ городами какъ бы подтверждаетъ догадку, что въ древнѣйшія времена Городища были населены и составляли первоначальный центръ сѣдлости для будущихъ городовъ“. Дѣйствительно, подтвержденіемъ мнѣнія о начальномъ построеніи г. Костромы на мѣстѣ нынѣшняго Городища является самая занимаемая имъ возвышенность, которая, полагаютъ, не всецѣло натуральная, но отчасти искусственно увеличена насыпною землею, какъ въ этомъ убѣждаемся непосредственнымъ наблюденіемъ. Здѣсь даже донинѣ сохранились признаки глубокихъ рвовъ — одинъ съ юго-восточной стороны, а другой — у самой Спасской слободы. Между тѣмъ нельзя забывать, что у всѣхъ племенъ желѣзнаго вѣка былъ общенародный обычай насыпать Городища; конечно, онъ существовалъ и у тѣхъ мерянъ, которые колонизовали г. Кострому. Въ такомъ выборѣ мѣста для этого города первые насельники его естественно руководились тѣмъ самымъ, что правый берегъ р. Волги болѣе гористъ, чѣмъ лѣвый, и потому во время весенняго разлива рѣки менѣе подверженъ затопленію водой, чѣмъ лѣвый берегъ, который въ глубокую старину при гораздо большемъ половодіи Волги, чѣмъ теперь, могъ

быть затопляемъ и впадающей въ нее р. Костромой. Населенность же нынѣшняго Городища въ древнія времена отчасти можетъ быть доказываема, независимо отъ его названія, вещественными памятниками старины, напр. находимыми здѣсь остатками отъ построекъ, черепками отъ посуды и серебряными монетами (правда, начала XIV вѣка)¹⁾. Если же теперь нельзя не признать достовѣрнымъ или правдоподобнымъ, что г. Кострома первоначально основанъ на правомъ нагорномъ берегу р. Волги, то и кремль находился, видимо, на томъ самомъ возвышеніи, которое нынѣ занимаетъ сельцомъ Городище, составлявшемъ въ отдаленной древности несомнѣнно мерянскій городокъ²⁾. ↗ "

Но затѣмъ, съ праваго берега р. Волги г. Кострома перенесенъ на лѣвый ея берегъ при впаденіи р. Костромы. Это совершилось, вѣроятно, послѣ разгрома Батыемъ Суздальской земли (въ 1237 г.),

¹⁾ Миловидовъ И. В. въ сочиненіи «о Костромѣ въ историко-археологическомъ отношеніи» (4 стр.) еще указываетъ на самое причисленіе церкви св. Ильи, что на Городищѣ, къ городскимъ церквамъ, каковое заключеніе онъ сдѣлалъ на основаніи надписи на оловянномъ ея блюдѣ XVIII вѣка. Что касается того, что мѣстность по горной правой сторонѣ Волги напротивъ нынѣшняго города была вообще заселена въ глубокой древности, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать и то, что о находящемся въ 1½ верстѣхъ отъ Городища нынѣшнемъ Селищѣ, которое прежде называлось Новое село, упоминается еще въ XIV вѣкѣ, какъ о покушкѣ великаго князя Юанна Калиты, и оно составляло собою, конечно, пригородное селеніе.

²⁾ Самое названіе города «Кострома» нѣкоторымъ образомъ наводитъ на мысль о древнѣйшемъ возникновеніи его, при чемъ, по одному мнѣнію, съ такимъ названіемъ города будто бы неразлучно указаніе на крѣпость или помяте о ней. Такъ на Элтонскомъ языкѣ, который у Владимірицевъ извѣстенъ подъ названіемъ офенскаго, а у галичанъ подъ именемъ эманскаго, Костръ, Кострыга означаетъ крѣпость, укрѣпленное мѣсто; въ такомъ значеніи Костръ встрѣчается и въ нашихъ лѣтописяхъ, особенно Псковскихъ (Псков. лѣтоп., Погодина 153). Окончаніе же *ма* сближаютъ съ *масъ*, что на мордовскомъ языкѣ значить — красивый, великолѣпный. Слѣдовательно, слово «Кострома» означаетъ — красивая крѣпость, каковое названіе и было усвоено первоначальному городу на нагорномъ берегу р. Волги. Это мнѣніе можетъ имѣть подтвержденіе въ томъ, что одинаково элтонскими словами названы Галичь (значить — многолюдный) и Кинецма (спокойная пристань) и др. Однако невольно возникаетъ сомнѣніе въ вѣрности означеннаго мнѣнія, поскольку не можетъ не представляться страннымъ словопроизводство «Кострома» изъ двухъ нарѣчій, принадлежащихъ притомъ оубланнымъ народностямъ. По мнѣнію кн. Козловскаго (7 стр.), основатель г. Костромы великій князь Юрій Долгорукій названіе «Кострома» заимствовалъ отъ г. Костръ, бывшаго въ Ливоніи, или отъ Черниговскаго г. Остеръ; однако послѣдній назывался Остеръ, городокъ Вострыскій, Востръ, Острычесный. Однако и то мнѣніе, что названіе Кострома взято отъ замка Кострума, гдѣ впослѣдствіи построенъ г. Ревель, нельзя не признать произвольнымъ, ибо оно основано также лишь на сходствѣ названія или мѣстности. Названіе Кострома, вѣрнѣе всего полагать, славянскаго происхожденія. Въ старину у нашихъ языческихъ славянъ словомъ «Кострома» называлось божество весны или Веснякъ, которое олицетворяло (какъ и божества Купало и Ярило) живительныя силы природы. Въ частности «Костромой» называлась дѣвица, избранная для купальскаго игрища, представлявшая собой божество Кострему, или же (въ Муромскомъ уѣздѣ) это было чучело его, кукла наряженная въ женское платье, приготовленная изъ соломы, также изъ сорныхъ травъ и прутьевъ (такъ какъ въ областныхъ говорахъ Кострома значить — прутъ, вѣтвь и растущій по ржи сорный трава). Отъ обрядовъ похоронъ божества «Кострома», древле принадлежавшихъ къ купальскимъ игрищамъ, и получили названіе какъ городъ, жителями котораго въ языческой древности совершались празднества и обрядъ похоронъ Костромы въ рѣкѣ, такъ и самая рѣка, впадающая въ Волгу близъ этого города (Миловидовъ, 6—9 стр.). Если же признать, что г. Кострома, первоначально имѣвшій смѣшанное население изъ мерянъ и славянъ, получилъ свое названіе дѣйствительно отъ имени божества весны у языческихъ славянъ, тогда возникновеніе этого города съ достовѣрностью можно относить ко второй половинѣ IX вѣка.

когда первоначальный г. Кострома на ряду со многими городами и селеніями былъ татарами опустошенъ и разрушенъ или же превращенъ въ пепель. Въ связи съ этимъ страшнымъ разгромомъ меряне легко могли оставить Городище по причинѣ неудобства имѣть оттуда постоянныя сношенія съ Галичемъ, Солигаличемъ и Чухломой, въ случаѣ неприяельскихъ движеній по Волгѣ. Построеніе г. Костромы при поворотѣ Волги на югъ при впаденіи въ нее рѣки Костромы совершилось, такимъ образомъ, въ видахъ большихъ удобствъ для постоянныхъ сношеній, словомъ, по тѣмъ же причинамъ по которымъ вообще древніе города строились съ расчетомъ при главныхъ изгибахъ рѣки и при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ. Такъ, Тверь первоначально построена была на лѣвомъ берегу, при впаденіи въ нее р. Тверцы; Юрьевецъ-Поволжскій при большомъ поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее рѣки Унжи; Нижній Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу и др. Полагають (Миловидовъ), что это перенесеніе г. Костромы на нынѣшнее его мѣсто (гдѣ, безъ сомнѣнія, уже ранѣе были поселенія, особенно при устьѣ р. Костромы) принадлежитъ великому князю Владимірскому Ярославу Всеволодовичу (1238—1246 г.), который, по свидѣтельству Воскресенской лѣтописи (245 с.), былъ обновителемъ прежнихъ разоренныхъ Батыемъ городовъ земли Ростовско-Суздальской и устройтелемъ нѣкоторыхъ городовъ на новыхъ мѣстахъ (напр. Твери, первоначально основанной на лѣвомъ берегу р. Волги). Нѣкоторымъ доказательствомъ того, что перенесеніе г. Костромы на лѣвый берегъ р. Волги совершено в. кн. Ярославомъ, можетъ служить то, что древнѣйшая, упоминаемая въ лѣтописяхъ, церковь въ г. Костромѣ была устроена во имя св. в. м. Феодора Стратилата. Построеніе этой, тогда, быть можетъ, первой или единственной въ г. Костромѣ церкви соборной, вѣроятно же приписывать самому Ярославу Всеволодовичу въ томъ предположеніи, что онъ, при св. крещеніи названный Феодоромъ, такъ наименовалъ ее въ честь своего ангела, ибо исторія представляетъ немало примѣровъ того, что русскіе князья и цари при основаніи новыхъ городовъ сооружали церкви во имя ангела своего, (напр. Юрій Долгорукій — во Владимірѣ на Клязьмѣ, Юрій Всеволодовичъ — въ Юрьевцѣ Поволжскомъ, кн. Тверской Михаилъ Александровичъ — въ Твери и др., также царь

Петръ Великій—въ Петербургѣ). Основанный (недалекъ отъ устья р. Костромы въ такой мѣстности, которая нѣсколько возвышеннѣе окрестностей, г. Кострома Ярославомъ Всеволодовичемъ († 1246 г.) затѣмъ былъ данъ въ удѣлъ послѣднему изъ девяти сыновей его Василию т. н. Мизинному при самомъ его рожденіи въ 1241 году, и къ нему же въ 1272 г. перешло званіе великаго князя, почему въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ этого времени появляется въ первый разъ названіе „великій князь Костромской Василій“.

Слѣдуетъ полагать, что тогда же (Кострома, какъ княжескій городъ, былъ достаточно укрѣпленъ, или уже былъ основанъ кремль, тѣмъ болѣе, что Василій князь Костромской, по смерти в. кн. Ярослава Ярославича Тверского въ 1272 г. вступившаго по праву старшинства на великокняжескій столъ Владимірскій, настолько полюбилъ г. Кострому, что не поѣхалъ жить въ столичный Владиміръ, оставшись въ Костромѣ до самой смерти своей въ 1277 году. Однако же нельзя при этомъ думать, что прежнее мѣсто города Костромы на лѣвомъ берегу р. Волги пришло въ совершенное запустѣніе; вѣроятно, здѣсь снова было устроено селеніе въ видѣ городка. Отсюда же произошло то, что въ одно время было какъ бы двѣ крѣпости; одна на нагорномъ берегу р. Волги, въ городищѣ, а другая на луговомъ ея берегу, гдѣ нынѣшній г. Кострома. [Въ послѣдующее время явилась ясно сознанная потребность сдѣлать особенно укрѣпленнымъ городъ Кострому въ виду сильныхъ опустошеній и нападений Новгородскихъ ушкуйниковъ и особенно татаръ, и можно полагать, что къ половинѣ XIV вѣка завершено древнее укрѣпленіе города.] Такъ извѣстно, что г. Кострома, очевидно какъ хорошо укрѣпленное и потому безопасное мѣсто, сдѣлался убѣжищемъ в. кн. Дмитрія Донского (1363—1389 г.) въ нашествіе Тохтамыша на г. Москву въ 1382 году. Затѣмъ, когда въ исходѣ 1408 г. Эдигей съ сильнымъ войскомъ приближался къ г. Москвѣ, в. кн. Василій Димитріевичъ съ супругою и дѣтьми по примѣру своего отца удалился отъ Эдигея также въ г. Кострому. По опустошеніи Костромы въ 1413 г. пожаромъ, истребленнымъ до 30 церквей, по повелѣнію в. кн. Василья Димитріевича (построившаго въ 1410 г. городъ Илеса и въ немъ крѣпость, какъ оплотъ для г. Костромы противъ набѣговъ крымскихъ татаръ) былъ вновь зало-

женъ г. Кострома въ 1416 году и, вѣроятно, тогда же обнесенъ стѣною (деревянною) для большей защиты) его на случаи нашествія татаръ *) на Костромскіе и Галичскіе предѣлы. Затѣмъ изъ лѣтописей извѣстно, что въ г. Костромѣ, какъ укрѣпленномъ, укрылся в. кн. Василій Васильевичъ съ супругою и матерью въ 1433 г., вслѣдствіе нападенія на г. Москву Галичскаго князя Юрія Димитріевича. Кромѣ Воскресенской лѣтописи (1, 23), перечисляющей г. Кострому, какъ и Плесо, въ ряду укрѣпленныхъ городовъ, еще встрѣчаются въ лѣтописяхъ слѣдующія извѣстія о г. Костромѣ въ качествѣ укрѣпленнаго мѣста. „Въ лѣто 6957 (1449) князь Димитрій Шемяка преступи крестное цѣлованіе, поиде къ Костромѣ со многою силою и прииде на великъ день и много бився подь градомъ, но не успѣша ничтоже, понеже бо застава въ немъ бѣ князь Иванъ Васильевичъ Стрига да Ѳеодоръ Бассенокъ, а съ ними многіе дѣти боярскіе, дворъ великаго князя“ 2). Далѣе извѣстно, что когда въ 1567 г. русскія войска, Волгою ходившія въ Казань, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ безуспѣшно возвратились назадъ, — татарове казанскіи по отходѣ ихъ часа того поидоша изгономъ къ Галичу и мало нѣчто полону взяша, градомъ и волостемъ ничтоже успѣша, вси бо бѣша въ осадѣ въ градѣ, а князь великій разослахъ по городамъ заставы въ Муромъ и Новгородъ-Нижній и на Кострому и въ Галичъ и велѣлъ имъ сѣлѣти *въ осадѣ*, стеречися отъ Казани“ 3). Несомнѣнно, что князь Иванъ В. Стрига Оболенской въ эту пору долго (до лѣта 1468 г.) съ войскомъ оберегалъ г. Кострому противъ набѣговъ казанскихъ татаръ 4). [Важную услугу кремль Костромской открыто оказалъ во время смутное для Россіи. Извѣстно, что когда изъ стана второго самозванца выступили отряды поляковъ для усмиренія городовъ, возставшихъ противъ нихъ по призыву царя Василя Шуйскаго, и одинъ изъ предводителей отрядовъ панъ-Лисовскій въ 1608 г. уже опустошилъ г. Кострому, тогда для освобожденія его и другихъ городовъ отъ поляковъ и литовцевъ явились вѣрныя дружины сѣверныхъ городовъ. Потерпѣвши пораженіе въ Костромѣ, поляки подь

1) Татарскіе набѣги, какъ извѣстно, вызывали даже спеціальныя и вмѣстѣ славныя походы костромичей; такова побѣда надъ татарами костромскаго воеводы Яковлева при р. Язовкѣ.

2) Лѣтоп. по Никонову спис. V, 219.

3) Тамъ же, V, 4.

4) Продолж. лѣтоп. преп. Нестора, ст. 265.

предводительствомъ Вельяминова вынуждены были запереться въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Тогда Лисовскій, въ іюнѣ 1609 г. прибывшій съ отрядомъ изъ 1500 человекъ изъ подъ г. Москвы нагорнымъ берегомъ Волги къ селу Селище, тщетно пытался оттуда подать помощь полякамъ и русскимъ измѣнникамъ, которые здѣсь—въ Ипатьевскомъ монастырѣ осаждены были войскомъ патриотовъ подъ предводительствомъ царскаго воеводы Давида Жеребцова. Лисовскій потерпѣлъ пораженіе отъ стрѣльбы съ Костромскаго *кремля*, послѣ чего съ яростью устремился отъ г. Костромы къ Троице-Сергіевой лаврѣ. „И какъ шли воровскіе поляки къ Костромѣ и государевы люди изъ-за Волги“,—съ Костромскаго кремля „изъ большого наряда побили много“¹⁾.

При таковыхъ хотя и скудныхъ историческихъ показаніяхъ довольно раннее существованіе Костромскаго кремля не подлежитъ никакому сомнѣнію, но при этомъ остается неизвѣстнымъ ни первоначальное, ни послѣдующее до XVII вѣка устройство этого кремля, именно—какъ онъ былъ укрѣпленъ, какія находились въ немъ зданія и какъ они были расположены.

II.

Устройство Костромскаго кремля и зданія въ немъ въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Изъ времени царствованія Михаила Ѳеодоровича мы имѣемъ опредѣленные свѣдѣнія о Костромскомъ кремлѣ въ Писцовыхъ книгахъ г. Костромы за 1628—1630 и послѣдующіе годы, содержащихъ въ себѣ подробное описаніе города съ землями, строеніемъ и поселеніемъ, также съ обозначеніемъ разныхъ угодій и промысловъ. Благодаря даннымъ, заключающимся въ этихъ и подобныхъ книгахъ, можемъ составить представленіе объ устройствѣ, хотя не самаго древняго, но восходящаго несомнѣнно еще къ XVI вѣку Костромскаго кремля, равно и о послѣдующемъ его состояніи почти до конца XVIII вѣка.

Въ Писцовыхъ книгахъ кремль Костромской извѣстенъ подъ названіемъ „старый городъ“, какое названіе усвоено ему, конечно, тогда, когда посадскими жителями построено въ 1619 г. „новый городъ“ на случай осаднаго положенія. О старомъ городѣ или собственно Костром-

¹⁾ Археограф. акт. II, 232.

скомъ кремлѣ, устроенномъ на возвышеніи лѣваго берега р. Волги противъ Городища, почернаемъ слѣдующія свѣдѣнія въ Писцовыхъ Костромскихъ книгахъ: „письма и мѣры Ивана Бутурлина да подъячихъ Остафія Колопанова да Ивана Злобина 135 (1628) года, да письма-жъ и мѣры и межеванья князя Василья Волконскаго да тѣхъ же подъячихъ 137 и 138 (1629—1630) годовъ“¹⁾. „Городъ Кострома построенъ на Волгѣ на луговой сторонѣ“²⁾. Ворота большія Спасскія изъ новаго города отъ торгу, ширина воротамъ четыре сажени съ полусаженью, поперегъ двѣ сажени съ полусаженью. А отъ воротъ вшедь въ городъ налѣво въ стѣнѣ башня середняя отъ торгу, ширина двѣ сажени съ полусаженью, поперегъ двѣ сажени съ четью. Стѣны отъ воротъ Спасскихъ до наугольной Воскресенской башни, восемьдесятъ сажень. Воскресенской наугольнсей башни ширина три сажени, поперегъ тожь. Отъ Воскресенской башни по другой сторонѣ отъ Калкины горы башня что были Ильинскія ворота, ширина три сажени съ полусаженью, поперегъ двѣ сажени съ полусаженью. Да въ той же стѣнѣ средняя Борисоглѣбская, ширина четыре сажени, поперегъ тожь. Да по той же стѣнѣ башня Дебринская, ширина четыре сажени, поперегъ тожь. Отъ Воскресенской башни до наугольной Волгской башни стѣны сто девяносто сажень. Волгской наугольной башни ширина четыре сажени, поперегъ тожь. Отъ Волгской наугольной башни башня выводная, ширина пять сажень, поперегъ три сажени. А отъ Волгскія косыя башни къ рѣкѣ Волгѣ ворота водяныя, ширина три сажени съ полусаженью, поперегъ тожь. Да передъ водяными воротами башня отводная, ширина пять сажень съ полусаженью, поперегъ три сажени съ полусаженью. Отъ воды тожь башня, ширина три сажени съ четью, поперегъ тожь. Въ той же стѣнѣ отъ рѣки Волги башня наугольная съ рукавомъ, рукавъ обведенъ тыномъ, ширина три сажени съ полусаженью, поперегъ двѣ сажени съ полусаженью. Отъ Волгской наугольной башни до башни наугольной что съ рукавомъ стѣны сто десять сажень. Отъ наугольной башни башня-жъ съ рукавомъ противъ

¹⁾ Древнѣйшій списокъ этихъ Писцовыхъ книгъ имѣется въ Костромской городской управѣ. Нижеслѣдующій въ новомъ нашемъ правописаніи текстъ изъ нихъ проверенъ авторомъ по нѣсколькой поздней копіи, составляющей собственность Костромскаго Богоявленскаго ж. монастыря.

²⁾ Точками здѣсь обозначено небольшое мѣсто, утраченное въ списокѣ Писцовыхъ книгъ, бывшемъ въ пользованіи автора.

мыту ¹⁾, ширина три сажени съ полусаженью, поперегъ три сажени. Въ той же стѣнѣ башня надъ тайникомъ, ширина четыре сажени, поперегъ три сажени съ полусаженью. Тайникъ отъ воды въ городъ до улицы, длина тринадцать сажень, поперегъ въ тайникѣ двѣ сажени съ четью, а въ дверяхъ полторы сажени. Въ той же стѣнѣ башня отъ тайника противъ соборной церкви, ширина три сажени съ полусаженью, поперегъ тожь. Отъ наугольной башни что съ рукавомъ до башни-жъ что у Спасскихъ воротъ стѣны: сто двадцать четыре сажени. Башни ширина три сажени съ четью, поперегъ три сажени. А отъ той башни до большихъ Спасскихъ воротъ семь сажень съ четью, поперегъ три сажени. А башни рублены всѣ клѣтками, бои выводные за городъ о дву мостехъ, а межъ башень тынъ, острогъ ставленъ безъ тарасей въ борозду. Вышина острогу двѣ сажени съ полусаженью. Подъ верхомъ были полати съ боемъ и подкотками. Предъ Спасскими воротами въ новый городъ чрезъ ровъ мостъ на клѣткахъ, ширина пять сажень, отъ осыпи до Спасскихъ воротъ ²⁾....

Е Несомнѣнно, кремль Костромской имѣлъ съ трехъ сторонъ осыпь или былъ окруженъ высокими валами земляными, предъ которыми находились глубокие рвы. Осыпь или насыпь окружена была деревянною стѣною на протяженіи 511¹/₄ сажень. Въ стѣнѣ находились двои во-

¹⁾ Мѣсто, гдѣ останавливались возы и лодки съ товаромъ для торговли.

²⁾ Отсюда слѣдуетъ описаніе «Новаго города», который простирался отъ кремля, съ сѣверной стороны, до Крестовоздвиженскаго монастыря и Сульскаго протока (нынѣ уже закрытаго), съ западной,—на востокъ отъ р. Волги до церкви Воскресенской и Благовѣщенской. Городъ этотъ былъ окруженъ рвами и деревянными стѣнами, съ 23 башнями и 6 воротами (Матеріалъ для географіи и статистики Россіи. Костромская губернія. Составилъ Я. Крживоблоцкій. Петербургъ, 1861 г. 581 стр.). «А новаго города отъ кремля города отъ осыпи отъ Спасскихъ воротъ съ Волгской стороны стѣны до Предтеченскихъ воротъ двѣсти тридцать сажень. А въ стѣнѣ ворота Никольскія, ширина четыре сажени, поперегъ три сажени съ полу-саженью, объ одномъ мосту. А отъ воротъ Никольскихъ башня въ стѣнѣ средняя, ширина полтретьи сажени, поперегъ тожь. Башня Предтеченская, ширина двѣ сажени съ четью, поперегъ тожь. Башня другая Предтеченская, ширина три сажени съ четью, поперегъ тожь. Башня жъ отъ Предтеченскихъ воротъ ширина полтретьи сажени, поперегъ тожь. Предтеченскимъ воротамъ ширина четыре сажени съ четью, поперегъ четыре сажени, а въ нихъ два моста. А отъ Предтеченскихъ воротъ городовыя стѣны отъ Настасьинскаго монастыря до Сульской башни и до Васильевской выводной башни и до Исаковской и до Дмитревской башни и до Благовѣщенскихъ воротъ двѣсти двадцать сажень. Первой башни Сульской ширина три сажени безъ чети, поперегъ полтретьи сажени. Васильевской выводной башни ширина полтретьи сажени, поперегъ двѣ сажени съ четью. Башни Исаковской ширина полтретьи сажени, поперегъ двѣ сажени. Башни Дмитревской ширина полтретьи сажени безъ чети, поперегъ тожь. Благовѣщенскимъ воротамъ ширина три сажени безъ чети, поперегъ тожь, объ одномъ мосту. А отъ Благовѣщенскихъ воротъ до Гостиной башни и до Воскресенскихъ воротъ и до кремля города, до осыпи сто двѣнадцать сажень. Гостиной башни ширина четыре сажени съ четью, поперегъ тожь. Воскресенскимъ воротамъ ширина три сажени съ четью. А поставленъ былъ тотъ Новый Городъ для осаднаго времени въ 127 (1619) году, а ставили посалскіе люди собою, а рубленъ тарасы косыя, какъ ставится острогъ лежачей, а около его веденъ былъ ровъ. Изгородъ во многихъ мѣстахъ развалилась и ровъ посыпался».

рота: 1) Спасскія большія, чрезъ которыя былъ главный вѣздъ въ кремль; они были устроены подлѣ осыпи или вала къ сѣверу, вѣроятно, предъ нынѣшнимъ каменнымъ, а прежде деревяннымъ мостомъ ¹⁾; который, длиною 15¹/₄ сажень, былъ устроенъ на клѣткахъ, надъ широкимъ рвомъ, окружавшимъ въ прежнее время земляные валы, и 2) водяныя ворота къ р. Волгѣ. Еще упоминается о бывшихъ Ильинскихъ воротахъ по направленію отъ Кадкиной горы. Затѣмъ въ Кремлѣ были устроены башни, всего четырнадцать. Улицъ здѣсь было три: большая къ водянымъ воротамъ, отъ Спасскихъ воротъ улица подлѣ осыпи или сѣвернаго вала и переулокъ на большую улицу къ водянымъ воротамъ.]

Нельзя не сознаться, что при теперешнемъ состояніи кремля, безъ сомнѣнія, затруднительно начертать точную топографическую картину кремля времени Писцовыхъ книгъ или установить пунктуально тѣ мѣста, гдѣ находились существенныя принадлежности его, напр. земляные валы со рвами, стѣны съ разными воротами и башнями. Для того, чтобы получить представленіе о Костромскомъ кремлѣ въ отношеніи внутренняго расположенія въ немъ, мы обозначимъ далѣе тѣ зданія, которыя по документамъ XVII—XVIII вѣковъ входили въ составъ кремля, при чемъ не можемъ не упомянуть хотя вкратцѣ и о важнѣйшихъ перемѣнахъ въ нихъ.

Особенное какъ бы священное значеніе Костромскому кремлю издревле придавалъ соборный холодный (готическаго стиля) храмъ въ честь Успенія Божіей Матери, первоначальное построеніе котораго, по преданію, приписывается князю Костромскому Василю Ярославичу (+1277 г.) по прозванію Кваши, удостоившемуся на Запруднѣ явленія т. н. Феодоровской иконы Богоматери ²⁾. Послѣ чудесной, вслѣдствіе

¹⁾ Въ актахъ генеральнаго межеванія г. Костромы онъ также названъ Спасскимъ. Чрезъ этотъ мостъ нынѣ лежитъ главный вѣздъ изъ города съ сѣверо западной стороны, отъ Гостиного ряда, къ Успенскому собору.

²⁾ Въ повѣсти о явленіи этого образа, напечатанной въ 1778 г., вмѣстѣ со службою на празднество его явленія, съ рукописной таковой службы и затѣмъ въ описаніи Костромскаго Успенскаго собора, прот. Іакова Арсеньева (изд. 1837 г.), сказано одинаково, что Феодоровская икона Богоматери явилась: а) великому князю Василю рекомому Кваши Костромскому и Галичскому, сыну благовѣрнаго и великаго князя Георгія Ярослава Владимірскаго, внуку благ. князя Александра Невскаго и б) въ 6747 т. е. 1239 году. Но несомнѣнно, что въ хронологіи этихъ событій имѣется двойная ошибка, которая уже въ началѣ XVIII вѣка нѣкоторыми учеными усмотрѣна преимущественно на основаніи хранящагося въ Костр. Богоявленскомъ монастырѣ хронографа отъ 1619 г. По авторитетному замѣчанію Карамзина (38 примѣч. къ IV т. Исторіи Росс. Госуд.), въ числѣ русскихъ князей никогда не было Василя Георгіевича, ибо у в. кн. Георгія Всеволодовича Владимірскаго († 1238 г. въ битвѣ съ татарами при р. Сити), не говоря о

присутствія среди войска этого образа, побѣды, которая, вѣроятно, въ 1271—1274 гг. одержана при озерѣ близъ г. Костромы (получившемъ отсюда названіе „Святое озеро“) надъ татарами или, точнѣе бесерменами, подступившими съ большими полчищами отъ г. Ярославля къ г. Костромѣ за данью, „великій князь повелѣ устроить церковь соборную каменную во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея успенія; въ той бо день принесена бысть икона Богородицына въ Кострому св. великомученикомъ Ѳеодоромъ Стратилатомъ*,—такъ говорится въ находящейся въ прологѣ повѣсти о чудесномъ явленіи Ѳеодоровской иконы Богоматери. Внѣшнимъ побужденіемъ къ построенію этого каменнаго храма было то, что первоначальная соборная деревянная церковь во имя св. Ѳеодора Стратилата²⁾, въ которой князь Василій со всеѣмъ воинствомъ принесъ со слезами благодареніе Господу Богу за дарованную побѣду надъ татарами,] вскорѣ послѣ

томъ, что онъ не имѣлъ имени Ярослава, были дѣти: Всеволодъ, Мстиславъ, Владиміръ, и не было сына Василія; къ тому же, послѣдній, если бы такой былъ, приходился бы двоюроднымъ братомъ, а не внукомъ Александру Невскому, какъ сыну отцова брата Ярослава Всеволодовича. Затѣмъ, этотъ в. князь Василій Костромской названъ и *Галицкимъ*, между тѣмъ Галичъ не былъ въ зависимости отъ г. Костромы. Не вдаваясь въ изслѣдованіе происхожденія означенной ошибки, мы должны сказать, что в. кн. Василій Костромской былъ мизининъ, девятый сынъ убитаго въ 1248 г. въ ордѣ Ярослава Всеволодовича и родной братъ Александра Невского (Хронографъ; книга «Ядро Россійское»; исторія Карамзина). Только одинъ онъ, Василій Ярославичъ, будучи великимъ княземъ Владимірскимъ, названъ въѣстѣ Костромскимъ какъ потому, что г. Кострома данъ былъ ему въ удѣлъ съ малолѣтства, такъ и потому, что во время своего великаго шестилѣтняго княженія онъ жилъ въ Костромѣ, а не въ стольномъ г. Владимірѣ. Что же касается того, что въ нѣкоторыхъ рукописныхъ повѣстяхъ явленіе Ѳеодоровской иконы Богоматери в. кн. Василію Костромскому (16 августа) относится къ 1239 г., то это показаніе составляетъ явный анахронизмъ; ибо кн. Василій родился только въ 1241 г. (Карамзинъ 28 примѣч. къ 4 тому), великимъ же княземъ въ г. Костромѣ тогда былъ выше упоминаемый Ярославъ Всеволодовичъ. Но ходу рѣчи въ рукописныхъ сказаніяхъ годъ 1239 относится собственно къ нашествію «жаканнаго и свирѣпаго и прегордаго и мерзкаго мучителя Батыя» и разоренію великокняжескаго г. Владиміра и Гююдиза; но въ рукописи о явленіи Ѳеодоровской иконы Богоматери при описаніи какъ нападенія татаръ на г. Кострому, такъ и чуда пораженія ихъ при кн. Василіи Костромскомъ совершенно не упоминается имени Батыя, равно нигдѣ въ отечественной исторіи не встрѣчаемъ свѣдѣній о томъ, что около половины XIII вѣка были набѣги Батыя на гг. Галичъ, Ярославъ и Кострому. Если же это нападеніе было не Батыево, между тѣмъ случилось по рукописнымъ извѣстіямъ въ княженіе Василія Костромского, то событіе это слѣдуетъ отнести къ нѣсколько позднѣйшему времени: или упомянутое въ повѣсти нашествіе татаръ на г. Кострому есть то самое, которое случилось въ 1259—1262 гг. (Соч. Врем. 1, 270. 271) и, слѣд., имѣло свое мѣсто во время удѣльнаго княженія Василія Ярославича въ Костромѣ, или же это событіе должно быть отнесено, по всей вѣроятности, къ 1272—1274 годамъ великаго княженія того же Василія. Къ этому то послѣднему времени (и отнюдь не къ 1239 г.) и относится чудесное явленіе Ѳеодоровской иконы Богоматери и оно должно быть рассматриваемо какъ особое событіе безотносительно къ разоренію Владиміра и Галича. См. въ предисловіи къ I—XV стр. къ соч. свящ. П. Островскаго «Историческое описаніе Костромскаго Успенскаго Собора», 1853 г. Москва.

¹⁾ Сооруженная, какъ видѣли, вѣроятно, княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, Ѳеодоровская церковь, по древнему доселѣ живому преданію, существовала на томъ мѣстѣ или же близъ того мѣста, гдѣ нынѣ находится построенная съ 1768 по 1771 г. въ подворьѣ упраздненнаго въ 1761 г. Симеоновскаго монастыря церковь во имя св. Богоотца Іоакима и Анны, въ которой главный приделъ посвященъ Божіей Матери въ честь чудеснаго явленія Ея иконы Ѳеодоровской. Преданіе это имѣетъ для себя подтвержденіе въ слѣдующемъ извѣстіи Писцо-

того была истреблена пожаромъ, между тѣмъ икона „невредимою пребысть отъ огня“. Тогда князь Василій „повелѣ устроити малу древяну церковь безъ замедленія на время нѣкое“ для того, чтобы въ ней поставить чудотворный образъ впрядь до построенія каменнаго Успенскаго собора. Какъ можно полагать на основаніи показанія Воскресенской лѣтописи подъ 1304 г., церковь эта сгорѣла отъ молніи, ударившей 23 іюля въ главу ея. Уже во второй разъ сгорѣвшая Ѳеодоровская церковь, какъ говорится въ повѣсти о явленіи Ѳеодоровской иконы Божіей Матери, была вскорѣ же возобновлена, ибо въ 1320 г., по лѣтописнымъ извѣстіямъ, въ ней былъ вѣнчанъ князь Константинъ Михайловичъ Тверской съ дочерью в. князя Юрія, Софією. Нельзя не замѣтить, что одновременно съ повелѣніемъ воздвигнуть соборный Успенскій храмъ „Ѳеодора Стратилата церковь повелѣ князь (Василій) устроити въ придѣлѣ соборныя церкви“. Придѣлъ во имя св. вм. Ѳеодора, упоминаемый въ Писцовыхъ книгахъ г. Костромы 1628—1630 гг., находился, по преданію, въ лѣвомъ предолтаріи Успенскаго собора, быть можетъ, тамъ, гдѣ нынѣ находится жертвенникъ. Но затѣмъ, какъ видно изъ грамоты Павла митрополита Сарскаго отъ 1666 г., по указу великаго государя Алексея Михайловича „велѣно на Костромѣ къ соборной церкви Пречистыя Богородицы придѣлать каменный придѣлъ во имя Ѳеодора Стратилата... посторонъ той церкви особою статьею, чтобы придѣльныя двери были въ паперть и входъ въ придѣлъ былъ изъ паперти, а изъ церкви-бъ въ придѣлъ входа не было, а глава на той церкви была-бъ не шатровая и алтарь дѣлать круглый“¹⁾. Со времени построенія Успенскаго собора послѣдующая исторія его неизвѣстна даже до начала XVII вѣка, затѣмъ и вислѣдствіи со второй половины XVII до второй половины XVIII вѣка, такъ какъ акты собора уничтожены огнемъ въ пожары 1654, 1679 и 1773 гг. Нынѣ видимъ соборный храмъ несомнѣнно уже не въ первобытномъ его видѣ какъ извнѣ, такъ и изнутри; окончательно онъ измѣнилъ

выхъ книгъ 1628—1630 гг. «На Сулѣ у Мшанскіе улицы церковь стоитъ безъ пѣнья Ѳеодора Стратилата древяна клѣцки»; богослуженіе въ ней не совершалось, вѣроятно, за ветхостію церкви, и она затѣмъ была уничтожена. По мнѣнію Карамзина (т. IV гл. IV Истор.), основанному на свидѣтельствѣ Никоновой лѣтописи, въ Ѳеодоровской церкви въ январѣ 1277 г. погребенъ епископомъ Ростовскимъ Игнатіемъ великій князь Василій Костромской. По словамъ И. Миловилова, «прахъ Василія Ярославича покоится доннынѣ подъ теперешнею церковью Богоотцевской». (Исторія Костромы, изд. 1885 г. 63 стр.).

¹⁾ См. 192—193 стр. соч. о. Островскаго.

свою наружность послѣ большого пожара въ 1773 г., когда сгорѣлъ со всеѣмъ имуществомъ. Однако наружность придѣльной церкви (въ два этажа), быть можетъ, менѣе потерпѣвшей отъ огня въ послѣдній пожаръ, сохранила до нашихъ временъ свой первобытный видъ отъ 1666 г. гораздо лучше, нежели Успенскій храмъ со времени своего начального устройства, хотя придѣлъ этотъ не избѣжалъ нѣкотораго преобразованія въ 1834 г.

При Успенскомъ соборѣ существовала другая церковь теплая деревянная, во имя Похвалы Пресвятой Богородицы, довольно ограниченная въ своемъ объемѣ и по украшеніямъ, какъ можно судить по описанію ея въ Писцовыхъ книгахъ. Мѣсто, гдѣ находилась эта церковь, не указывается даже преданіемъ, на память же о ней остается въ соборномъ придѣлѣ Феодора Стратилата только образъ Похвалы Пресв. Богородицы, писанный на холстѣ, вѣроятно, въ позднѣйшее время. Затѣмъ, при Успенскомъ соборѣ ¹⁾ еще находилась колокольня, по преданію, шатровая, по описи отъ 1737 г. „о шти жильяхъ“; она стояла къ юго-восточной сторонѣ храма, который былъ отдѣленъ отъ нея одною галлереею въ 6¹/₄ аршинъ. Въ пожаръ 1773 г. колокольня разрушилась, при чемъ расплавились какъ древніе упомянутые въ Писцовыхъ книгахъ семь колоколовъ, изъ коихъ „большой благовѣстной въ двѣсти пудъ данъ государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея русіи“, такъ и позднѣйшіе колокола, изъ которыхъ большой былъ въ тысячу пудовъ.

Черезъ нѣсколько сажень посѣвернѣе Успенскаго собора „въ старомъ же городѣ церковь была каменная другого собора Живоначальная Троицы, да предѣлъ былъ преподобнаго чудотворца Сергія, и та каменная церковь развалилась; другая церковь съ трапезою деревянна клѣпки московскихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя и Юны“ (Писц. кн.)- Когда и по какому случаю построены Троицкій соборъ, совершенно неизвѣстно; изъ краткаго извѣстія Писцовыхъ книгъ видно, что онъ былъ скуденъ утварью. При соборѣ была „колокольница на паперти рубленая“, а „на колокольницѣ три колокола“. Въ бывшей

¹⁾ Вблизи его или около церкви во имя Похвалы Богородицы была воздвигнута въ память воцаренія Михаила Феодоровича каменная церковь во имя препод. Геннадія, перваго провозвѣстника дома Романова. Она разрушилась отъ пожара въ 1773 г. и по недостатку средствъ не была возобновлена.

въ 1654 г. пожаръ въ кремль сгорѣла на ряду съ другими зданіями и деревянная церковь, которая была построена въ память великаго и радостнаго событія: воцаренія Михаила Ѳеодоровича во имя московскихъ Святителей, какъ ходатаевъ за Россію о дарованіи ей царя. Каменная же Троицкая церковь еще ранѣе пришла въ крайне обветшалое состояніе; вѣроятно, вскорѣ она была исправлена, но обращена въ приходскую церковь, съ какимъ названіемъ извѣстна въ 1656 году и затѣмъ продолжала свое существованіе даже въ XVIII вѣкѣ. Впрочемъ иногда она по старой памяти называлась и соборной, какъ это видно изъ донесенія въ 1721 г. судей костромскаго синодскаго приказа Троицкаго Ипатскаго монастыря на мѣстника іеромонаха Ѳеодосія и др. архимандриту (того же монастыря) Гавріилу: „подлѣ Успенскаго собора церковь соборная жъ Пресвятыя Богородицы въ кремль городѣ“. Церковь эта упразднена послѣ большаго пожара въ Костромѣ въ 1773 году, когда она совершенно истреблена была огнемъ; съ упраздненіемъ Троицкой церкви принадлежавшая ей земля поступила во владѣніе Успенскаго собора. По представленію старожиловъ начала XIX вѣка, Троицкій соборъ находился на томъ мѣстѣ; гдѣ воздвигнуты существующія нынѣ триумфальныя ворота при вѣздѣ въ ограду Успенскаго собора.

„Въ старомъ же городѣ въ осыпи монастырь Здвиженской, а на монастырѣ церковь Здвиженія честнаго креста древяна шатровая,... да другая церковь теплая съ трапезою Введеніе Пресвятыя Богородицы древяна клѣтки“. При обѣихъ же церквахъ имѣлась колокольница съ шестью колоколами. Въ обители полагалось семь монашествующихъ съ архимандритомъ и іеромонахомъ. Крестовоздвиженскій монастырь находился по близости соборовъ Успенскаго и Троицкаго, на разстояніи 12 сажень отъ Успенскаго храма, только на юго-востоку; но когда, кѣмъ и по какому случаю основанъ, свѣдѣній объ этомъ не сохранилось. При нашествіи поляковъ на г. Кострому въ 1608 г. обитель эта подверглась разоренію, при чемъ настоятель и братія умерщвлены, но затѣмъ обитель была возстановлена. Въ 1681 году Крестовоздвиженскій монастырь обращенъ въ женскій по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Во время сильнаго пожара 12 июня 1679 г., истребившаго Костромской кремль, равно и большую часть новаго го-

рода и посадовъ, были уничтожены находившіяся подлѣ Успенскаго собора и Крестовоздвиженскаго монастыря кельи сорока безпомѣстныхъ инокинь, средствами содержанія которыхъ служили добротными подаванія богомольцевъ, приходившихъ на поклоненіе чудотворному Феодоровскому образу Божіей Матери. Оказавшись теперь въ безпріютномъ положеніи, инокини обратились къ царю Ѳедору Алексѣевичу и патриарху Іоакиму съ просьбою о томъ, чтобы дозволено было имъ помѣститься въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ по выведеніи изъ него архимандрита съ четырьмя иноками въ другіе монастыри. На эту просьбу послѣдовала въ 1681 г. соизволительная грамота, при чемъ все прежнія вотчины и земли мужскаго монастыря предоставлены во владѣніе инокинямъ во главѣ съ игуменіей Капитолиной, архимандритъ же съ братією переведенъ въ находившейся тогда „на посадѣ“ Богоявленскій монастырь; бывший до пожара 6 сентября 1847 г. мужскимъ. Какъ видно изъ описи за 1772 г., въ переименованной женской обители при Успенскомъ соборѣ находились двѣ ветхія каменные церкви: одна въ честь Воздвиженія Креста Господня съ придѣломъ во имя Алексѣя челоуѣка Божія, другая въ честь Введенія во храмъ Пресв. Богородицы; еще каменная колокольница съ шатровымъ верхомъ; затѣмъ десять деревянныхъ келій съ пристройками и ограда деревянная „съ тарасы“, срублена съ небольшими башенками. Но недолговѣчно инокини пребывали въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Преемникъ Костромскаго епископа Дамаскина, въ 1766 г. испросившаго у коллегии экономіи (завѣдывавшей имѣніями упраздненныхъ монастырей) въ городское для себя подворье Ризположенскій Анастасіинъ женскій монастырь (въ посадѣ, за Новымъ городомъ), уже упраздненный штатами 1764 г. съ обращеніемъ въ приходскую церковь, епископъ Симонъ Лаговъ находилъ это подворье однако не въ очень близкомъ разстояніи отъ Успенскаго собора „безъ мала на верету“, почему, писалъ онъ, „не токмо отъ вѣзды дальней затрудненіе претерпѣваемъ, но и приборы и запасы нужны двойные, а отъ того и убытки двойные чувствуемъ“. Между тѣмъ Крестовоздвиженская подлѣ Успенскаго собора обитель, по представленію еп. Симона, оказывалась несовсѣмъ удобною для инокинь, посліку онъ, при соборѣ находясь, „всегда отъ народнаго собранія и шуму разныхъ зрѣлицъ могутъ безпокойность

чувствовать и помѣшательство“, и, сверхъ того, существованіе здѣсь деревянныхъ монастырскихъ зданій признавалось на случай пожара даже очень опаснымъ для соборной церкви съ колокольнею. Поэтому, а также въ виду возможности, живя близъ самаго городского соборнаго храма, совершать чаще архіерейское священнослуженіе въ соборѣ, въ который по глубокому благоговѣнію къ находящейся въ немъ чудотворной Θεодоровской иконѣ Богоматери всегда стекалось множество народа, еп. Симонъ въ 1772 г. просилъ Св. Синодъ о дозволеніи перемѣстить инокинъ изъ Крестовоздвиженскаго монастыря въ бывшій прежде женскимъ Анастасіинъ монастырь съ усвоеніемъ послѣднему значащагося въ духовныхъ штатахъ названія „Крестовоздвиженскій“, а на мѣстѣ женской при соборѣ обители построить каменный корпусъ для архіерейскаго подворья и просторный теплый соборный храмъ съ грандіозною колокольнею. Но вотъ въ слѣдующемъ 1773 году 18 мая отъ бывшаго въ Костромѣ „превеликаго пожара“ всѣ деревянные зданія Крестовоздвиженскаго монастыря сгорѣли, даже каменная церковь отъ сильнаго дѣйствія огня разрушилась совершенно. Тогда еп. Симонъ, уже не дожидаясь рѣшенія своей просьбы, помѣстилъ игуменію Нектарію съ сестрами въ Анастасіиномъ подворьѣ и въ своемъ донесеніи объ истребленіи огнемъ Крестовоздвиженскаго при соборѣ монастыря просилъ Св. Синодъ закрыть его и утвердить сдѣланное имъ представленіе о застройкѣ мѣста здѣсь. Въ 1775 году послѣдовалъ соизволительный на все это Высочайше утвержденный 5 марта указъ Св. Синода отъ 2 апрѣля. Въ ближайшее затѣмъ время, по полученіи изъ государственной коллегіи экономіи двѣнадцати тысячъ рублей, испрошенныхъ епископомъ на возобновленіе тогда же погорѣвшаго Успенскаго собора съ колокольней, были разобраны обгорѣлыя церкви Крестовоздвиженскаго дѣвичьяго монастыря, и Успенскій соборъ остался одинъ священнымъ свидѣтелемъ кремля. Почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился монастырь, соружены мѣщаниномъ посада Большія Соли (Кост. уѣзда) Степаномъ А. Воротиловымъ донынѣ существующіе теплый благолѣпный соборъ во славу Богоявленія Господня (освященъ въ 1791 г.)¹⁾ и нераздѣльно отъ него огромная вышиною около 30 сажень колокольня о четырехъ ярусахъ.

¹⁾ Въ 1865 году соборъ этотъ расширенъ пристройкой двухъ придѣловъ, такъ что нынѣ внутри имѣетъ, вмѣсто двухъ, четыре ряда колоннъ.

Кромѣ означенныхъ церковныхъ зданій въ кремлѣ, какъ видно изъ Писцовыхъ книгъ, помѣщались многія казенныя зданія, осадные дворы и частныя дома. Такъ недалеко отъ Успенскаго собора къ сѣверному валу находился Воеводскій дворъ деревянный, большой (23 саж. въ длину и 17 саж. въ ширину), построенный городомъ Костромою вмѣстѣ съ его уѣздомъ. Въ свое посѣщеніе г. Костромы въ 1767 году императрица Екатерина II, прослѣдовавши изъ Успенскаго собора во дворъ Воеводскій, изволила здѣсь любезно принимать членовъ магистрата и первостатейное купечество, при чемъ были поднесены ей на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ и соль, фрукты, да рыбы двадцать живыхъ стерлядей аршинныхъ. Также извѣстно, что на проѣздъ Императрицы отъ Волжеской пристани до Успенскаго собора были въ кремлѣ воздвигнуты триумфальныя ворота. Воеводскій дворъ истребленъ огнемъ въ пожаръ 1773 г. Изъ казенныхъ зданій въ кремлѣ помѣщались слѣдующія: съѣзжая изба съ сѣнями, гдѣ сидѣли воеводы и приказные люди (воеводская канцелярія), затѣмъ губная изба ¹⁾, караульная изба, тюрьма, четыре житницы государевы, кузница казенная; сюда же слѣдуетъ отнести дворовое мѣсто пушкарское и осадный колодезь. Въ ряду находившихся въ кремлѣ прочихъ зданій, между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе собственный домъ матери царя Михаила Ѳеодоровича, инокини Марѣы Ивановны (въ мѣрѣ боярыня Ксенія Шестова), каковой находился вблизи Успенскаго собора на томъ мѣстѣ, которое находится подъ сѣверо-западнымъ угломъ соборной ограды. О немъ такъ говорится въ Писцовыхъ книгахъ письма и мѣры Ивана Бутурлива: „въ старомъ городѣ переулочъ на большую улицу къ водянымъ ворстамъ дворъ осадный великія государыни инокини Марѣы Ивановны; двора въ длину семь сажень безъ чети, поперегъ полсеми сажени опричь спорныя земли, а спорныя земли (съ) Здвигженскимъ монастыремъ въ длину полдевяты сажени, поперегъ пять сажень съ четью“. Можно съ вѣроятностію предполагать, что въ этомъ своемъ домѣ боярыня Ксенія Ивановна Шестова—Романова и юный сынъ ея Михаилъ Ѳеодоровичъ жили временно съ 1606 г. Отсюда же они по различнымъ обстоятельствамъ отъѣзжали то въ Москву, то въ свое вотчинное село Домни-

¹⁾ Судебное учрежденіе для разбирательства уголовныхъ дѣлъ.

но, то укрывались (напр. во время опасности отъ поляковъ, устраненной подвигомъ И. Сусанина) за крѣпкими стѣнами Ипатьевского монастыря, подареннаго первымъ самозванцемъ Ѳеодору Никитичу Романову, въ иночествѣ Филарету, возведенному въ санъ митрополита ростовскаго.

Сверхъ этого, въ кремлѣ находилось семь осадныхъ дворовъ, которые принадлежали Костромскимъ монастырямъ: Ипатьевскому, Богоявленскому (два двора), Троицко-Сергіевой Лаврѣ и московскимъ монастырямъ: Повоспасекому, Чудову и Новинскому. Изъ частныхъ домовъ въ кремлѣ многіе принадлежали знатнѣйшимъ фамиліямъ, такъ князьямъ: Блятинскимъ, Волконскому, Вяземскому, Гагарину, Збарецкому, Козловскимъ, Куракину, княжнѣ старицѣ инокинѣ Иринѣ Ивановнѣ Мстиславской ¹⁾, княгинѣ Троекуровой; боярамъ: Салтыковымъ и Шереметьевымъ; стольникамъ: Годунову и Карпову; дьякамъ: Головину, Данилову и Лихачеву. Гольшее же число осадныхъ домовъ составляло собственность разныхъ дворянскихъ семействъ ²⁾ числомъ 84. Такое обиліе въ кремлѣ частныхъ домовъ знатныхъ фамилій даетъ нѣкоторое основаніе полагать, что въ смутныя для Россіи времена въ началѣ XVII вѣка одинаково, какъ и ранѣе, многіе изъ московскихъ бояръ и князей признавали надежнымъ для себя убѣжищемъ отъ опасностей г. Кострому, поскольку онъ уже много разъ прославился неборимымъ земною силою покровомъ Заступницы Божіей Матери, чудотворная Ѳеодоровская икона Которой всегда находилась въ Успенской соборной церкви, и по такому именно убѣжденію устраивали осадный для себя дворъ близъ собора. Однако нельзя здѣсь не сказать, что во время составленія Писцовыхъ книгъ никто изъ дворянъ не жилъ въ г. Костромѣ въ своихъ осадныхъ дворахъ; по вѣроятности, всѣ они

¹⁾ Это, по всей вѣроятности, сестра Ѳеодора Ивановича Мстиславскаго, которая, бывъ избрана въ невѣсты царю Ѳеодору Іоанновичу за неплодіемъ супруги его Ирины Ѳеодоровны, была невольна пострижена Борисомъ Годуновымъ, какъ соперница сестрѣ его Иринѣ.

²⁾ Таковы въ алфавитномъ порядкѣ: Аверкіевы, Адалыкины, Аргамачевы, Аристовы, Ачкасовы, Бабарыкины, Бедаревы, Белужевы, Болдыревы, Бутаковы, Васильчиковы, Вельяминовы, Ветошкины, Витовтовы, Внуковы, Высотскіе, Глѣбовы, Головцины, Грамотины, Елизаровы, Ерлыковы, Жабины, Жадовскіе, Заворотниковы, Зварькины, Золотухины, Зузины, Изящевы, Карташевы, Кацыревы, Колячевы, Кориовы, Кудрины, Куломзины, Кульневы, Кутузовы, Леонтьевы, Линевы, Латвиновы, Лихачевы, Ловчиновы, Ляпуновы, Мошковы, Нелидовы, Носовы, Овцыны, Огаревы, Ошерковы, Ивановы, Пасынковы, Писемскіе, Полѣиновы, Полозовы, Потуловы, Пуминовы, Пушкины, Ратковы, Рожновы, Романовы, Савросовы, Салмановы, Селевины, Симоновы, Скрипичины, Сколковы, Сохины, Стригины, Ступицины, Сумароковы, Супоневы, Тельцовы, Третьяковы, Усовы, Ушаковы, Филосовы, Хотылевы, Чаплины, Черницы, Чертовы, Шаховы, Шестаковы, Шетневы, Шуваловы и Щепины.

тогда пребывали или въ усадьбахъ своихъ или на должностяхъ въ Москвѣ и другихъ городахъ. Въ этихъ же дворахъ имѣли постоянное мѣстопробываніе называемые дворниками стрѣльцы, пушкари, сторожа и разсылные, и ихъ то, по указу царя Алексея Михайловича отъ 28 мая 1661 г., воеводѣ повелѣно во время крестныхъ ходовъ „посылать для провожанія чудотворнаго образа Пресвятой Богородицы, чтобы въ ходу было бережно и безмятежно“; поэтому въ кремль существовалъ особый домъ стрѣлецкаго сотника (тогда Жабина). Наконецъ тринадцать дворовъ въ кремль принадлежали иностранцамъ, какъ-то: фонъ Менгдену, Гольбергу, Вольмару, Зенгеру и Медтану.

Всего же въ Костромскомъ кремлѣ находилось дворовъ и частныхъ домовъ 191, которые были расположены на трехъ улицахъ. Изъ нихъ большая улица къ водянымъ Волжскимъ воротамъ вмѣщала 107 дворовъ; вторая улица отъ Спаскихъ воротъ подлѣ вала съ сѣвера заключала въ себѣ 71 дворъ и третья улица къ Волжскимъ водянымъ воротамъ имѣла 13 дворовъ. Что касается общаго числа жителей въ Костромскомъ кремлѣ, то свѣдѣній объ этомъ не сохранилось, и можно только предположительно о томъ судить по вышеозначенному числу дворовъ осадныхъ. Известно лишь, что въ 1630—1631 гг. въ г. Костромѣ ¹⁾ были сотникъ, 50 стрѣльцовъ, 13 пушкарей, 3 человека воротниковъ ²⁾. Въ 1654 г. въ Костромѣ состояло только 15 стрѣльцовъ, вѣроятно, по случаю тогдашней войны съ Польшею ³⁾. По смѣтнымъ книгамъ 1686 г. въ г. Костромѣ находилось городской службы 1146 человекъ, въ томъ числѣ 65 отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, 16 подъячихъ приказной избы, 41 площадной дьякъ, 5 боярскихъ дѣтей, ходящихъ въ приказной избѣ, 31 приставъ, 24 стрѣльца, 913 посадскихъ людей, ихъ дѣтей и всякихъ свойственниковъ, 17 рыбныхъ ловцовъ, 12 кирпичниковъ и 22 дворника на осад-

¹⁾ Насколько тогда былъ значителенъ весь городъ, видно изъ того, что въ немъ по Писцовымъ книгамъ было два собора: Успенскій и Троицкій и пять монастырей: Крестовоздвиженскій въ кремль, Вознесенскій, Спасъ-Подвизный, Анастасинъ и Богоявленскій, не считая находящейся внѣ города Ипатьевскій; городскихъ приходскихъ церквей значится 35, при чемъ ^{при} 19 изъ нихъ было по двѣ отдѣльныхъ, внѣ того счѣта; обывательскихъ дворовъ числилось 1683 и 489 лавокъ и амбаровъ.

²⁾ Времен. И.пер. общ. истор. и древн. Росс. IV, 21. 29. Нѣсколько ранѣе, въ 1616 г. подъ предводительствомъ Костромскаго воеводы Ивана Васильевича Хилькова въ Костромѣ составляли гарнизонъ «дворянъ и дѣтей боярскихъ костромичъ отставныхъ 37 человекъ, костромскихъ 100 человекъ стрѣльцовъ да костромскіе всякіе желецкіе люди». Разряд. кн. 7124 г. во Времен. Истор. общ. и древн. Росс. кн. 1, 64 стр.

³⁾ Дополн. къ акт. истор. III, стр. 473. 475.

ныхъ дворахъ. Наряда состояло: мѣднаго: 7 пищалей, къ нимъ 113 ядеръ, по 4 и 2 гривенки ядро; желѣзнаго: 2 пищали кованыхъ, 17 пищалей волконей ¹⁾, 33 ствола затинныхъ ²⁾, итого 59 пищалей; къ нимъ ядеръ 535, зелья ³⁾ по 4—3 гривны ядро, ручного и пушечнаго 12 пудовъ 31 гривенка.

III.

Судьбы Костромского кремля вообще и въ началѣ XIX вѣка.

Какъ уже видѣли выше, по различнымъ обстоятельствамъ и въ разные времена въ Костромскомъ кремлѣ совершались мало по малу измѣненія внутри въ отношеніи расположенія и самыхъ мѣстъ, занятыхъ церковными и особенно казенными и частными зданіями. Такъ различные осадные дворы неоднократно исчезали преимущественно во время пожаровъ, которые для кремля были каждый разъ весьма опустошительными по той причинѣ, что постройки были исключительно деревянные, притомъ очень скученныя. Уже въ 1654 г. отъ пожара, начавшагося съ теплой деревянной при Троицкомъ соборѣ церкви и съѣзжей избы, подверглись истребленію разные монастырскіе дворы вмѣстѣ съ другими зданіями и, вѣроятно, тогда же сгорѣлъ домъ государыни инокини Марѣы Ивановны. Особенно же упоминаемый выше пожаръ въ 1773 г., какъ и ранѣе бывшій въ 1679 г., болѣе всего содѣйствовали измѣненію внѣшняго вида кремля, такъ что послѣ того оставалось уже немного слѣдовъ отъ стариннаго деревяннаго кремля съ извѣстными его башнями и воротами. Затѣмъ и сохранившіяся здѣсь въ небольшомъ количествѣ частныя строенія стали чаще по своей обветшалости постепенно исчезать, притомъ безъ возобновленія. По недостатку простора въ кремлѣ для сооруженія новыхъ зданій, мѣста, гдѣ находились казенныя или частныя зданія погибшія въ пожарѣ, естественно должны были поступить или въ цер-

¹⁾ Въ древней Руси родъ малокалиберной короткой пищали.

²⁾ Затинъ—особое мѣсто внутри крѣпостной ограды древнерусскихъ крѣпостныхъ городовъ, непосредственно за частокольной деревянной оградой (тыномъ), располагавшейся или на мѣсномъ горизонтѣ или на невысокихъ земляныхъ валахъ; затинъ по значенію соответствуетъ современнымъ валгангамъ и барьерамъ и на немъ, для дѣйствія поверхъ тына, или въ оставаемые въ послѣднемъ промежутки, ставились огнестрѣльные орудія того времени, затинныя пищали.

³⁾ Порохъ.

ковную собственность или въ распоряженіе правительства, тѣмъ болѣе, что по водвореніи совершеннаго спокойствія въ Россіи прежніе владѣльцы не имѣли и надобности строить себѣ „осадные дворы“ или укрываться въ мѣстахъ укрѣпленныхъ. По Высочайше утвержденному 6 марта 1781 г. новому плану г. Костромы уже не положено никакихъ частныхъ зданій въ кремлѣ. Изъ городской книги за 1792 г. видно, что въ старомъ городѣ находилось только четыре обывательскихъ дома, и они вскорѣ уже были снесены, такъ что къ началу минувшаго столѣтія здѣсь уже не существовало частныхъ стросній. Такимъ образомъ соборы древній Успенскій и рядомъ новый Богоявленскій съ колокольною пріобрѣли себѣ полный просторъ въ кремлѣ, оставшіе въ немъ почти единственными зданіями. Только къ югу отъ Богоявленскаго собора, вскорѣ по сооруженіи его, были устроены два большихъ двухъэтажныхъ дома, положенные по новому плану г. Костромы. Изъ нихъ одинъ назначенъ частію для пріѣзда мѣстнаго епископа изъ Ипатіевскаго монастыря и для жительства въ немъ во время весенняго разлива р. Костромы, частію же для помѣщенія кафедральнаго протоіерея. Въ другомъ корпусѣ помѣщалось до 10 января 1895 года уѣздное духовное училище, причемъ съ конца 1847 г., вслѣдствіе истребленія пожаромъ семинарскихъ зданій въ Богоявленскомъ, тогда мужскомъ, монастырѣ, здѣсь нашла временный пріютъ и дух. семинарія и даже до самаго перемѣщенія ея въ 1867 г. въ собственныя нынѣшнія зданія. Съ 1904 года обширный этотъ корпусъ по производствѣ въ немъ капитальнаго ремонта отведенъ для жительства соборныхъ священно-церковно-служителей.

Послѣ ряда означенныхъ измѣненій внутри Костромскаго кремля и внѣшній видъ его не избѣжалъ той же участи или, лучше, своей послѣдней судьбы, что совершилось уже въ началѣ XIX вѣка. Изъ стремленія придать новый и благоустроенный видъ г. Костромѣ преобразователи его наложили свою руку и на стоявшіе незыблемо земляные валы или осыпи, которые составляли прежде необходимую и столь характерную черту древней крѣпости или кремля. Величественные валы, продолжавшіе существованіе несомнѣнно свыше четырехъ вѣковъ, въ 1817—1818 годахъ скрыты въ уровень съ площадью у триумфальныхъ и въѣзжихъ воротъ Успенскаго собора. На мѣстѣ прежняго

вала съ сѣверовосточной стороны по иниціативѣ бывшаго въ Костромѣ гражданскаго губернатора К. Баумгартена разбитъ въ 1819—1820 годахъ для общественнаго гулянья большой прежде называемый англійскій садъ (нынѣ же городской бульваръ) съ раздѣланными аллеями и разнообразными деревьями. Съ юговосточной стороны валъ (къ Нижней Дебрѣ) нѣсколько сохранился и, не смотря на меньшую сравнительно съ прежнимъ временемъ длину и высоту, все таки напоминаетъ о своемъ древнемъ видѣ. Что касается вала съ сѣверозападной стороны, отдѣленнаго отъ сѣверной осыпи Спасскими воротами, то виднымъ признакомъ его существованія является та самая крутая обрывистая гора надъ оврагомъ (гдѣ внизу располагается фруктовый базаръ), верхній край которой, нынѣ ровный съ остальною площадью между садомъ и соборной оградой, обнесенъ балюстрадой. Не можемъ здѣсь не замѣтить, что сами по себѣ величественные земляные валы Костромскаго кремля имѣли довольно внушительный видъ вслѣдствіе того, что на нихъ въ старину были поставлены громадныя чугунныя пушки. Послѣднія, по всей вѣроятности, присланы городу при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ можно полагать на основаніи самаго сходства сохранившихся изъ нихъ экземпляровъ во внѣшнемъ видѣ и устройствѣ съ пушками, принадлежащими Костромскому Богоявленскому монастырю, которому онѣ пожалованы несомнѣнно тѣмъ же царемъ въ 1648 году. Изъ этихъ то городскихъ пушекъ и была произведена грандіозная салютация въ честь императрицы Екатерины II во время ея посѣщенія г. Костромы. Съ валовъ пушки снесены въ 1814 году и затѣмъ сохранялись при зданіи городской полиціи даже въ шестидесятихъ годахъ минувшаго столѣтія. Впослѣдствіи эти памятники древности перенесены на прилегающую къ губернаторскому дому возвышенную мѣстность такъ назыв. Муравьевку, гдѣ и нынѣ помѣщаются на высокихъ террасахъ. По сказанію старожиловъ сороковыхъ годовъ XIX вѣка, изъ этихъ пушекъ салютовали обыкновенно въ торжественные дни.

По генеральному межеванію, которое „отъ 16 октября 1755 г. учинено бывому провинціальному, а по Высочайшему соизволенію императрицы Екатерины II вновь учрежденному губернскому городу Костромѣ со всѣми принадлежавшими ему заселенными и незаселенными город-

скими землями¹⁾, пространство земли подъ Костромскимъ кремлемъ исчислено всего 12 десятинъ 86 кв. сажень 1 аршинъ. Въ томъ числѣ: а) 1 десятина 1291 кв. саж. были заняты самою земляною крѣпостью, названною „городъ кремль“ съ состоявшими внутри его заселенными и незаселенными мѣстами, равно соборными церквами; б) подъ домами лицъ разнаго званія находилось 2 дес. 84 саж.; в) затѣмъ 4 дес. 939 саж. исчислено подъ земляною осыпью и ровомъ и деревяннымъ (тогда) чрезъ ровъ мостомъ Спасскимъ, по которому лежитъ столбовая (московская) дорога, также подъ проломами; г) 500 саж. внутри рва подъ водянымъ каналомъ; д) 3 дес. 837 саж. 1 арш. подъ незаселенными пустыми мѣстами, улицами и проѣздомъ и е) 1 дес. 235 саж. подъ бичевникомъ у р. Волги.

Чтобы дать возможность составить болѣе опредѣленное, какъ бы наглядное представленіе о размѣрахъ и самыхъ границахъ, бывшаго въ г. Костромѣ кремля, считаемъ необходимымъ въ заключеніе очерка указать по современному состоянію тѣ мѣста, которыя входили въ составъ древняго кремля. Для этого должно имѣть въ виду прежде всего ту мѣстность, которая заключается нынѣ въ каменной оградѣ вокругъ соборныхъ церквей, обнимающей здѣсь пространство со всѣхъ сторонъ съ перерывами въ мѣстахъ застроенныхъ соборными домами. Эта ограда съ желѣзными на ней рѣшетками и устроенными въ 1799 году контрафорсами со стороны р. Волги довольно высокая, съ берега возвышается даже до 4 сажень и имѣетъ въ окружности до 200 сажень, кромѣ того, что два каменныхъ дома съ небольшимъ между ними садомъ, стоя въ линіи съ оградой, на пространствѣ 51 сажени на своихъ мѣстахъ замѣняютъ ее собою. Въ оградѣ, устроенной съ триумфальными и въѣзжими воротами и каменнымъ угловымъ флигелемъ (съ 1797 г.), расположенными фасадомъ на площадь къ городскому саду, нынѣ два соборныхъ храма Успенскій и Богоявленскій и въ одной связи съ послѣднимъ громадная четырехъярусная колокольня, затѣмъ два большихъ упомянутыхъ корпуса, обращенные къ р. Волгѣ. Мѣсто, занимаемое всѣми этими зданіями, представляетъ собой песчаный крутояръ, выдавшійся изъ самой середины города. Затѣмъ,

¹⁾ См. Геометрическій спеціальныи планъ отъ 16 окт. 1755 г. въ чертежномъ отдѣленіи Костр. Губернскаго Правленія.

въ составъ бывшаго кремля слѣдуетъ включить находящійся на юго-западной сторонѣ огородъ Успенскаго собора, простирающійся отъ линіи каменныхъ соборныхъ корпусовъ до бичевника р. Волги, при чемъ нельзя не упомянуть о томъ, что на мѣстѣ огорода въ старину находились дома обывателей—къ водянымъ Волжскимъ воротамъ. Сюда же входитъ также за соборной оградой близъ бичевника каменный двухъ-этажный магазинъ (что на откосѣ), построенный въ 1789 г., и по близости къ нему деревянный магазинъ для казеннаго склада вина и соли. Начинаясь съ юга бичевникомъ р. Волги, Костромской кремль оканчивался къ сѣверу высокимъ валомъ, по срытіи котораго, какъ уже сказали, устроены англійскій садъ или городской бульваръ, прилегающій къ Гостиному двору и зданію городской думы и простирающійся частию до Спасскаго нынѣ каменнаго моста взаменъ бывшаго нѣкогда деревяннаго. Съ запада отъ старой уже срытой осипи, при входѣ къ каменному мосту съ правой стороны, кремль продолжался на востокъ къ прежнему пролому или нынѣшнему въѣзду съ Ильинской улицы. Налѣво ея, считая отъ р. Волги, простирался къ самому бичевнику р. Волги тотъ самый валъ съ сѣвера на югъ, который нынѣ видимъ засаженнымъ съ обѣихъ сторонъ деревьями и оканчивается круглой бесѣдкой, поставленной на возвышенномъ мѣстѣ надъ бичевникомъ. Предъ этимъ валомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ „малый бульваръ“, существовалъ ровъ глубокій, который постепенно засыпанъ, при чемъ лѣтъ 17—12 тому назадъ здѣсь разведенъ садъ.

При таковыхъ судьбахъ Костромскаго кремля современное внѣшнее мѣстоположеніе и видъ нынѣ уже ничѣмъ не напоминаютъ костромичамъ о бывшемъ существованіи его, и отсюда понятно, почему рѣчь или вопросъ о кремлѣ г. Костромы вызываетъ удивленіе въ обывателяхъ и представляется большою новостью даже для многихъ образованныхъ жителей города. Разумѣется, еще менѣе даетъ знать о себѣ, какъ самомъ первоначальномъ кремлѣ и городѣ, явственно почти противъ нынѣшнихъ соборныхъ зданій или т. н. „стараго города“ Костромы выступающее на высококомъ утесѣ на Волгѣ величественное и красивое по мѣстоположенію Городище, откуда открывается прелестный видъ на нынѣшній городъ во всемъ его протяженіи.